БЫЛЬ ПРО СЕБЯ.

Отецъ мой былъ крестьянинъ Курской губерніи, жилъ въ свое время безбѣдно, но когда онъ умеръ и мать наша осталась одна съ дѣтьми, то хозяйство наше поразстроилось. Когда мы, сыновья, подросли — а насъ было четыре брата — и мать положила заклятіе, чтобы не раздѣляться даже и женатымъ, а жить вмѣстѣ, то состояньице наше стало опять понемногу поправляться; старшій братъ хозяйничалъ, а мы, хоть и были всѣ четверо погодки, были у него подъ приказомъ. Покуда мы были малы, то матери было очень тяжело съ нами, безъ рабочихъ рукъ; но какъ мы всѣ вдругъ подросли, то поэтому и хозяйство ея вдругъ стало поправляться.

Двое старшихъ братьевъ ужъ были женаты, когда сказанъ былъ у насъ рекрутскій наборъ. Намъ, какъ четверникамъ, не миновать было рекрутчины и потому весь домъ нашъ, вся семья, заливалась горькими слезами. Мать

совсѣмъ извелась въ три дня отъ плачу и причитывала то надъ однимъ изъ насъ, то надъ другимъ, какъ надъ покойниками. Я былъ младшій, еще парень глупый, и плачъ матери и невѣстокъ меня совсѣмъ смутилъ и напугалъ; третій братъ былъ малорослый и въ солдаты не годился, а потому и не горевалъ; но двое старшихъ, какъ послышали что бѣда подходитъ, бѣжали и стали прятаться въ лѣсахъ и оврагахъ. Наберутъ бывало ночью, тайкомъ, хлѣба и уйдутъ дня на три, на четыре; а я оставался одинъ съ матерью и невѣстками, на хозяйствѣ, потому что третій братъ былъ въ извозѣ.

Разъ, когда старшіе братья воротились за хлѣбомъ, я сталъ проситься съ ними; но они сказали, что мнѣ бояться нечего, меня не возьмутъ, а сами опять ушли. Я сначала было и повѣрилъ имъ, но послѣ разсудилъ, что они меня обманываютъ. Я рѣшился уйти самъ по себѣ. Взявъ хлѣба порядочный запасъ, я ночью вышелъ и пошелъ, куда глаза глядятъ, потому что я до этого времени еще и мало гдѣ бывалъ въ

околицѣ и незналъ куда итти и гдѣ прятаться.

Шелъ я недѣли двѣ, покуда съѣлъ весь хлѣбъ, тогда пришла бѣда: ѣсть до смерти хочется, а взять негдѣ, просить и стыдно и страшно, чтобы не стали допрашиваться, а украсть боюсь и подавно. Однако голодъ донялъ меня такъ, что я подъ вечеръ зашелъ въ первую встрѣчную деревню, вошелъ въ избу и заставъ тамъ одну только хозяйку съ ребятишками, признался ей во всемъ и просилъ чтобъ накормила. Ей меня жаль стало; давши мнѣ поѣсть и ломоть хлѣба на дорогу, она сказала: Богъ съ тобой, иди куда знаешь.

Два дня шелъ я опять степью, на полдень, опять проголодался, а деревни никакой не попадалось. Доняла меня такая грусть, что ужъ радъ бы воротиться, да не знаю куда идти. Цѣлый мѣсяцъ шатался я такъ, ослабъ, заболѣлъ, и кормился одною сырою только рожью и гречихой, почему и лежалъ по цѣлымъ днямъ въ хлѣбахъ, а ночи шелъ, самъ не зная куда. На разсвѣтѣ одного дня взошелъ я на курганъ, чтобы

увидать гдѣ растетъ хлѣбъ и залечь туда на день, и увидалъ что не въ далекѣ около дороги растетъ горохъ. Обрадовавшись этому, я пошелъ туда, залѣзъ въ горохъ, наѣлся его въ волю и нарвалъ себѣ еще запасу, поклавъ за пазуху. Вдругъ увидѣлъ я ѣдущаго по дорогѣ мужика; я притаился, но онъ меня увидалъ, спускаясь по изволоку съ горки, подъѣхалъ, вызвалъ и связалъ мнѣ назадъ руки. Я такъ оробѣлъ, что и не противился ему; я былъ еще парень молодой и крѣпко отощалъ, а онъ былъ мужикъ здоровой. Связавъ, онъ порядкомъ отстегалъ меня кнутомъ, а потомъ привязалъ къ оглоблѣ и поѣхалъ: я долженъ былъ, какъ могъ, ровняться съ лошадью, которая не рѣдко бѣжала рысью. Такимъ образомъ привелъ онъ меня въ домъ свой, который былъ не въ деревнѣ, а стоялъ самъ по себѣ, какъ хуторъ; въ избѣ онъ развязалъ мнѣ руки и погрозивъ кнутомъ послалъ на печь.

Между тѣмъ хозяйка собрала обѣдать; онъ сѣлъ, поѣлъ, разсказалъ ей, что поймалъ вора въ горохѣ, какого то

бродягу — а я сижу между тѣмъ на печи, голодный какъ волкъ, и незнаю что будетъ. Немного погодя хозяйка сказала: ужъ хоть воръ, да надо же и его чѣмъ нибудь покормить; тотъ отвѣчалъ: да я уже покормилъ его кнутомъ, довольно: дай ему щецъ да хлѣба; а самъ легъ спать, приказавъ хозяйкѣ строго меня караулить.

Отдохнувъ съ часокъ, хозяинъ опять связалъ мнѣ руки, вывелъ на дворъ и привязавъ къ осѣдланной лошади, самъ сѣлъ верхомъ и поѣхалъ. Бѣгу я въ припрыжку, не знаю что изъ меня будетъ, куда меня ведутъ; сколько ни прошусь, ни отпрашиваюсь — хозяинъ молчитъ, и не глядитъ на меня. Между тѣмъ смерклось и стало такъ темно, что не видать было ни зги; я бѣгу, спотыкаюсь и падаю, а хозяинъ ругаетъ меня, что я плохо поспѣваю и что онъ черезъ меня опоздалъ, сбился съ дороги и не попадаетъ, куда надо было, къ ночи. Побившись еще немного, хозяинъ увидалъ, что не шутя сбился съ дороги; нашли тучи, поднялся встрѣчный вѣтеръ и пошелъ мелкій, докучливый дождь.

Хозяинъ въ досадѣ свернулъ съ дороги въ сторону, досталъ желѣзные путы, приковалъ меня на замокъ нога съ ногою къ лошади и заставилъ такимъ образомъ стеречь ее, а самъ легъ, укрывшись тулупомъ и заснулъ. Все это сдѣлалъ онъ молча, не сказавъ мнѣ ни одного слова и не отвѣчая также ни однимъ словомъ на всѣ мои просьбы.

Лошадь стала пастись и шагъ за шагомъ потащила меня за собой, я долженъ былъ не зѣвая шагать за нею, какъ только вздумается ей переставить ногу; иначе она дергала меня желѣзными путами, такъ, что я не могъ устоять на ногахъ. Долго проходилъ я съ нею такимъ образомъ, и замучила она меня до того, что я съ отчаянія заплакалъ. Чтобы хоть немного отдохнуть, я поймалъ ее за морду, приподнялъ ей голову и не давалъ пастись, а заставлялъ стоять смирно на одномъ мѣстѣ. Оглядываясь кругомъ, между тѣмъ какъ она все дергала и рвала меня, то головой, то путами, переставляя ноги, я увидѣлъ, что должно быть она отошла

довольно далеко отъ того мѣста, гдѣ лежалъ хозяинъ; тогда пришло мнѣ вдругъ въ голову другое: что еслибъ мнѣ удалось сбить съ ноги путы, сѣсть на готовую, осѣдланную лошадь и ускакать? Придумавъ это, я взялъ лошадь подъ уздцы и повелъ ее еще далѣе: ночь была такъ темна, что не видать было куда ступаешь ногой; но пробившись можетъ быть около часу и удаляясь, сколько могъ опознаться, все въ одну сторону, чтобы уйти подальше, я наконецъ очутился съ лошадью въ оврагѣ, гдѣ былъ мелкій кустарникъ, тутъ я остановился, присѣлъ и сталъ ощупывать свои кандалы; но я увидалъ, что мужикъ мой не ошибся, пустивъ меня беззаботно съ лошадью на всѣ четыре стороны: путы были изъ крѣпкаго, крученаго желѣза и такъ хорошо наложены, что мнѣ мало оставалось надежды. Я однакоже не отчаявался, другаго спасенія не было и я подумалъ: что будетъ то будетъ, еще должно быть ночи много осталось — постараюсь; если хозяинъ и проснется, то онъ до свѣту меня не отыщетъ. Придерживая одной рукой

лошадь за поводъ, чтобы она смирно стояла, я все еще сидя перебиралъ другою рукою путы, разбирая гдѣ они послабѣе, гдѣ ихъ можно перебить, а тамъ хотѣлъ искать ощупью какого нибудь камня, снять стремя и попробовать своего счастья. Такимъ образомъ я сидѣлъ на корточкахъ, въ самомъ неловкомъ положеніи, какъ вдругъ лошадь моя фыркнула, сильно рванулась у меня изъ рукъ и пустившись во весь духъ, таскомъ поволокла меня за собой по землѣ. Не понимаю и теперь, какъ меня Богъ спасъ, что она мнѣ задними ногами не раскроила черепа; но, конечно, она успѣла сдѣлать такимъ образомъ со мною только нѣсколько скачковъ, какъ вдругъ взвилась на дыбы, а тамъ со стономъ рухнулась на–земь. Я не успѣлъ опомниться, какъ волки навалились на лошадь со всѣхъ сторонъ; первый изъ нихъ, самый отчаянный, схватилъ ее за горло, и въ это–то время она и взвилась на дыбы; но видно онъ мѣтко вцѣпился и разорвалъ ей горло, потому что она, какъ я сказалъ, упала и въ самое это время волки

бросились со всѣхъ сторонъ и начали ее рвать.

Нѣсколько минутъ лежалъ я, оглушенный и въ полупамяти, въ растяжку на землѣ, но вскорѣ, не смотря на боль въ головѣ и страхъ, пришелъ совсѣмъ въ себя, слышалъ, видѣлъ и помнилъ все, что около меня дѣлалось. Волковъ было безъ малаго до десятка; лошадь лежала уже не живая, они рвали и дергали ее такъ, что даже и меня, прикованнаго къ ней, таскали съ нею по землѣ. Раза три, тотъ либо другой изъ нихъ обнюхивали меня вплоть, но опять кидались на свою добычу. Я лежалъ и ожидалъ своего конца. Это длилось, какъ мнѣ казалось, очень долго, я думаю болѣе двухъ часовъ; нажравшись до сыта, волки стали отходить по одиночкѣ и, присѣвъ тутъ же по собачьи, облизывались и выжидали своихъ товарищей. Въ числѣ ихъ было также гнѣздо молодыхъ, но уже порядочныхъ подростковъ, съ волчицей; одинъ изъ нихъ вздумалъ какъ–то съ дуру завыть, но волчица тотчасъ же кинулась на него, оскаливъ зубы, и онъ замолчалъ и,

поджавъ хвостъ, принялся опять рвать зарѣзанную лошадь. Наконецъ пятокъ ихъ, облизавшись, окружили меня, подошли вплоть, такъ что дотыкались до меня мордой, и стали обнюхивать: я лежалъ смирно и не дышалъ, они отошли, сѣли вмѣстѣ и дружно завыли; потомъ стали шататься порознь, одинъ подошелъ и еще немного погрызъ кость, а затѣмъ всѣ они разбѣжались. Немного спустя, я уже слышалъ голоса ихъ издалека; по ту сторону оврага.

Собравшись съ духомъ, я привсталъ, началъ въ потьмахъ присматриваться и увидѣлъ, что лошадь съѣдена дочиста, остались однѣ только растасканныя врознь кости. Путы все еще прикованы были по прежнему къ ногѣ конской, объѣденной кругомъ и оторванной вмѣстѣ съ лопаткой отъ тѣла. Потянувъ свою ногу, я потащилъ за собою и ту; мнѣ почти небыло никакой надежды отъ нея отдѣлаться. Я принялся однакоже ломать конскую ногу въ колѣнкѣ и послѣ долгаго мученья успѣлъ въ этомъ; тогда я перекрестился и отправился вдоль

по оврагу, волоча путы и кусокъ ноги лошадиной за собой; но когда прошелъ первый страхъ, то я сталъ подогадливѣе, забралъ привѣсокъ этотъ въ руки и мнѣ было посвободнѣе идти. Я ожидалъ каждую минуту, что либо хозяинъ меня нагонитъ, либо опять волки нападутъ и съѣдятъ безъ пощады, потому что теперь уже у меня нечѣмъ было ихъ подчивать. Я бѣжалъ, сколько могъ, но наконецъ вовсе выбился изъ силъ и замѣтилъ начало зари. Успокоившись немного, въ ожиданіи свѣта, я легъ подъ кусты въ оврагъ, или по тамошнему въ балку; и вскорѣ заснулъ.

Отдохнувъ не знаю сколько времени, я проснулся; солнышко было уже высоко: сперва я не могъ опомниться — разбитая голова моя болѣла, а все что случилось со мною въ ночи, казалось мнѣ дурнымъ сномъ. Но объѣденный волками мосолъ съ путами на ногѣ моей увѣрилъ меня, что все это дѣялось со мною на яву. Помолившись усердно за спасеніе свое и горько покаявшись, что пустился, по глупости и по примѣру старшихъ братьевъ, на такое

недоброе дѣло, я и самъ не зналъ что теперь начать, какъ быть и куда дѣваться; проклятыя путы смущали меня еще болѣе, а между тѣмъ нечѣмъ было сбить ихъ и я видѣлъ, что самъ не смогу отъ нихъ отдѣлаться; а какъ въ этомъ видѣ показаться куда нибудь людямъ на глаза, въ деревню или проѣзжимъ? Всякій сочтетъ колодникомъ и отправитъ къ начальству; а какъ быть безъ хлѣба?

Между тѣмъ какъ я раздумывалъ все это и плакался на горькую судьбу свою, услышалъ я голоса: мимо меня невдалекѣ пролегала дорога, которой я и не замѣтилъ: по ней ѣхали чумаки съ обозомъ, на волахъ, и играли на сопѣлкахъ. Слушая издалека пѣсни эти, я крѣпко позавидовалъ добрымъ людямъ, которые, не боясь свѣта Божьяго, ни глазу другихъ людей ѣдутъ себѣ спокойно и еще веселятся. Чумаки остановились около этого мѣста кормить воловъ, и поставивъ возы свои въ ряды, распустили скотину, а сами раскинули треножники и принялись варить кашу. Я все сидѣлъ и смотрѣлъ, какъ ходили они между

возами, перекликались, шутили и смѣялись, — какъ дымокъ закурился и понесся вѣтеркомъ на мою сторону и мнѣ запахло и жаренымъ и варенымъ. Волы бродили вокругъ меня близко и одинъ изъ чумаковъ, пошедшій согнать скотину ближе къ дорогѣ, чтобъ не было потравы, подошелъ ко мнѣ, посмотрѣлъ и, подумавъ немного, подозвалъ товарищей. Чумаки сошлись надо мной и стали допытываться, кто я и что за человѣкъ; затѣмъ они взяли меня, дивуясь путамъ на ногѣ моей и лошадиной ногѣ съ копытомъ, и привели въ таборъ, къ своему атаману или старшинѣ.

Я разсказалъ всю правду, что какъ было; выслушавъ все и подивившись похожденіямъ моимъ, они надо мною сжалились, сбили съ меня путы и накормили меня доброй кашицей съ саломъ. Когда они собрались опять ѣхать, то я сталъ проситься съ ними, но они не взяли меня, сказавъ что боятся отвѣту, а посовѣтовали лучше итти домой. Я поблагодарилъ ихъ и за это сказавъ, что радъ бы и домой итти, да не знаю дороги;

распросивъ меня хорошенько откуда я, они показали мнѣ какъ итти, сказавъ, что видно я шатался все вокругъ да около, потому что прямымъ путемъ будетъ не такъ далеко и дойти можно въ недѣлю.

Пошелъ я домой и безъ особенныхъ приключенiй благополучно добрался до своей родной деревни. Глупость наша не пошла къ добру: какъ пришелъ наборъ и дошла до насъ очередь, то втораго брата моего отыскали, засадили и забрили ему лобъ, а хозяйка его съ ребеночкомъ, черезъ меня остались сиротами. Въ тоже время, какъ побѣгъ нашъ длился мѣсяцевъ пять и притомъ въ самую рабочую пору, отъ начала лѣта и до поздней осени, то хозяйство наше больно потерпѣло и разстроилось. На бѣду за нами числились еще старыя недоимки, съ тѣхъ поръ, когда мать моя не могла всего выплачивать; мiръ какъ говорили, платилъ за насъ. Кромѣ того, по разстройству нашего хозяйства, мы и не могли уплатить даже сполна и новыхъ податей: сходка собралась, по разнымъ мiрскимъ дѣламъ, и присудила, между

прочимъ, отдать меня за побѣгъ и за недоимки въ рекруты, взачетъ другимъ. Это случилось зимой, такимъ образомъ я, прошатавшись почти полгода, натерпѣвшись страстей, да еще разоривъ, пополамъ съ братьями, хозяйство наше, участи своей не миновалъ, а кабы сперва–начала, не послушавшись худаго разума, пошелъ бы прямо изъ нашей семьи въ солдаты, такъ ничего бы этого не было и оба старшіе, женатые братья мои сидѣли бы теперь дома, да вся семья молила бы за меня Бога. Теперь служу я хорошо; да ужъ стараго грѣха не воротишь, прошлаго не поправишь.